

Соборный Куиргуз
25.11.60.

ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ театр комедии и московские зрители — давние и добрые знакомые. Примечательно, что в последние годы театр комедии неоднократно выступал в столице с пьесами, неизвестными московскому зрителю. В большинстве это пьесы молодых наших драматургов, созданных авторами в репертуарной мастерской театра. Много работает творческий коллектив и над постановкой классических произведений, не имеющих ранее сценической истории.

Не все из того, что показывает театр комедии, бывает одинаково интересно. Но его неудачи происходят не от равнодушия, а от страстного желания сказать свое слово в искусстве.

ВОТ и сейчас, когда произведения великого Чехова широко и полно представлены в театрах Москвы, ленинградцы показали на сцене Кремлевского театра оригинальный чеховский спектакль — «Пестрые рассказы». Театр выбрал трудный, очень трудный путь воссоздания на сцене прозаических произведений Чехова. И в этом спектакле есть свои успехи и просчеты.

Раскрывается занавес. Перед зрителями — листы гигантской книги. Смыкаясь и расходясь, эти листы образуют своеобразный второй занавес, позволяющий точно и быстро менять место действия. А над книгой — будто бы случайно забытое так хорошо знакомое каждому чеховское пенсне.

Автор композиции и режиссер спектакля Н. Акимов создал по рассказам Чехова драматические миниатюры. Любознательно сохраняя чеховский текст, он не дописал ни одного своего слова — он только драматургически «организовал» их.

Инсценированные рассказы действительно пестрые. Есть среди них и такие крупные, идейно значительные произведения, как «Человек в футляре», остро сатирический «Воденья», лирически печальный «Рассказ г-жи Н. Н.» и веселые шутки — «Шало в мешке», «Гость»...

Большинство произведений, выбранных театром из богатейшего чеховского наследия, звучат остро, современно и интересно. Может быть, не стоило инсценировать лишь «Месть женщины» — рассказ, звучащий в сценическом воплощении, мягко выражаясь, двусмысленно.

Инсценирование произведений прозы всегда таит в себе опасность иллюстративности. Акимов в большинстве случаев сумел избежать этого. Все созданные им миниатюры можно смело назвать драматургическими произведениями. Исключение в этом смысле составляет, к сожалению, «Человек в футляре»: это не сценическая интерпретация рассказа, а лишь иллюстрация к нему.

Особенно это заметно в первой части, когда театр иллюстрирует самые незначительные детали рассказа. В тексте, например, есть слова, что Варенька очень заразительно смеялась. Говорит их ведущий, а режиссер тут же показывает смеющуюся девушку. Прошла сценическая секунда. И опять идет текст ведущего. Так же, ради иллюстрации одной или двух сказанных ведущим фраз, показывает режиссер и Беликова.

Принимая этот ставящий в трудное положение актеров: играть им, по существу, нечего. В результате сценические характеры основных героев произведения не создаются. Именно из-за этого излишне мрачно звучит конец инсценировки. Мы не видим положительных героев писателя, то есть той силы, которая противопоставляет «беликовщине». Театр не нашел средств для выражения тех светлых оптимистических нот, которые заключены в этом грустном, но полном жизнеутверждения произведении. Он лишь проиллюстрировал его, не вскрыл богатейшего внутреннего содержания.

Но и в этой миниатюре есть целый ряд мастерски сделанных режиссерских кусков, точно найденных ярких деталей. Они-то и свидетельствуют прежде всего, что Акимов поставил Чехова по-своему, по-акимовски, и порой совершенно неожиданно.

Рассказ «Трагик поневоле» каж-

дый из нас знает чуть ли не наизусть. Однако Акимов и исполнители роли Ивана Ивановича Н. Трофимов решили его так, что он прозвучал по-новому, свежо и оригинально.

Комизм в этом сценическом произведении возникает из-за намеренно иронического несоответствия текста, полной серьезности исполнителя и подчеркнутой несуразности внешних аксессуаров. Тут и какие-то громадные шары, которые дачный муж в отчаянии перекладывает с места на место и в конце концов разбивает, и пыльный детский велосипедик, на который в самый трагический момент своего рассказа он садится и который вдруг везет его по сцене, и многое другое. Острота и щедрость театральности, яркость сценических красок — вот что отличает эту работу театра. Когда же Трофимов в отчаянии поднимает обе руки вверх, словно мученик, распятый на кресте, — комизм достигает апогея. За этим комизмом чувствуется постоянно чеховская картина, пошлости и скука жизни.

То же ощущение ничтожества чиновничьего мира возникает после просмотра единственного собственно драматургического произведения Чехова, включенного в «Пестрые рассказы», — «Юбилей».

Пьеса Чехова поставлена Н. Акимовым и сыграна актерами не только весело, но и озорно. Это веселое озорство видишь и в том, что один из героев пьесы, не зная, как остаться незамеченным, залезает на пальму, и во многих других нелепых и смешных деталях, а главное, в том, как актер К. Злобин играет... Мерчуткину. Злобин великолепно справляется с женской ролью. Он играет ее с подлинным комедийным блеском. Достаточно посмотреть, как Мерчуткина — Злобин, видимо, утомившись от долгого хождения по присутственным местам, вынимает из раненой сумки хлеб и жадно, роняя изо рта крошки, начинает есть... Несколько штрихов — и безжалостный портрет непроходимо глупой стяжательницы готов.

Одна из наиболее удачных и ярких работ спектакля — сцена «Воденья». Акимов нашел удивительно тонкое и неожиданное театральное решение этого рассказа. В глубине сцены расположен стол, за которым и читает свой воденья друзьям-чиновникам Ключков, а на авансцене этот воденья с блестящим разыгрывают актеры театра. Выходит очень выразительно и смешно, вполне в духе иронического и острого рассказа Чехова.

Совершенно в ином ключе, но с той же тонкостью и изяществом решаются театром «Няночка» и «Рассказ г-жи Н. Н.». Актриса Е. Юнгер, исполняющая роль госпожи Н. Н., благородно и просто раскрывает нам трагедию женщины, прошедшей мимо своего счастья. Хотелось бы только, чтобы в исполнении актрисы чувствовалась некоторая ироничность по отношению к идеалам героини, по существу, невысоким.

Такая ироничность ощущается у исполнителя главной роли рассказа «Няночка». Павел Сергеевич Г. Воробьева поначалу привлекает своей детской доверчивостью и чистотой. Но артист шаг за шагом показывает, что за доверчивостью героя скрываются слабование, отсутствие человеческого достоинства, попросту трусость. Нам жаль этого маленького человека, но в то же время мы ясно видим его ничтожество.

К СОЖАЛЕНИЮ, некоторые сценки «Пестрых рассказов» поставлены хотя и изящно, но несколько поверхностно.

Что мы узнаем, например, о характерах героев рассказа «Гость»? Ничего. Единственно, что показывает нам режиссер в этом рассказе, — это то, что Зельтерскому надоел Перегарин. Иначе говоря, актеры играют только фабулу, не углубляясь в характеры. В результате нам так же, как и Зельтерскому, скучно слушать Перегарина, и мы искренно рады, когда он уходит и сценка заканчивается. Столь же поверхностно решены сценки «Пропащее дело» и «Шило в мешке».

Однако это неудачи поисков. Они не кажутся нам значительными.

Л. БАРУЛИНА